

Нюренберги Амшей
(сын из друзей - художников.)

14.09.99

выставка

Газета 14 сент. - 2004. - с. 15

партизан художнику брат

«Незабытые имена» в галерее «Ковчег»

II
ИЛЬЯ ГАРИН

Сразу четыре столичных музея — Третьяковка, ГМИИ имени А.С. Пушкина, Музей Востока и Музей В.В. Маяковского — объединились в работе по подготовке очередной экспозиции галерейного цикла «Незабытые имена», чтобы реконструировать творческие биографии братьев-художников Амшея Нюренберга (1887—1979) и Давида Девинова-Нюренберга (1896—1964).

Устоявшийся образ братьев-соратников, созданный в истории советского искусства художественными тандемами братьев Ткачевых или, например, братьев Смолиных, к этой паре отношения не имеет. Не было братского союза, бригадного метода работы, совместных выставок. После появления на свет в Елисаветграде, после обучения в Одесском художественном училище общие вехи в биографиях братьев закончились, и дальше их судьбы разбежались по разным дорожкам. Амшей Нюренберг в книге воспоминаний приводит еще только один совместный эпизод: в годы Гражданской войны он заведовал отделом искусств губкомиссии, и, когда в Одессу пришли белые, Амшей смог избежать больших неприятностей исключительно с помощью брата. Вследствие чего появилась такая запись: «Мой брат, художник Деви, красный партизан. Человек смелый, большой инициативы и энергии».

Давид Девинов-Нюренберг стал георгиевским кавалером на Первой мировой, командиром Красной Армии в Гражданскую, потом учился у Кончаловского во ВХУТЕМАСе. Бодрое начало для яркой биографии, но... не сложилось. Получил отличную живописную школу, написал в 1920-е ряд замечательных картин. Потом АХРР, поездки по стройкам социализма, потом — война, и вот он уже пишет наказные портреты вождей в лояльно-безликом стиле, а остатки живописной культуры проявляет в камерных портретах друзей и в обычной идеологической лазейке всех советских мастеров — лирических пейзажах-натюрмортах. Немного больше удачи и известности досталось его брату Амшею. Тот успел поучиться в частных академиях Парижа, в течение года делил мастерскую с Шагалом, написал манифесты для двух художественных объединений — «Нового общества живописцев» (НОЖ) и «Московских живописцев». Он работал с Маяковским в «Окнах РОСТА», писал художественные рецензии в «Правду», преподавал во ВХУТЕМАСе современное западное искусство, снова ездил в Париж — теперь уже командированный Луначарским. И в музеях его работы оказалось легче отыскать в ходе подготовки нынешней выставки, в то время как наследие Давида сохранилось по большей части в семье усилиями дочерей. Но только кончилось все примерно так

же: пару лет Амшей проработал художником в Музее революции, писал портреты вождей — на заказ, камерные портреты и пейзажи-натюрморты — для себя.

Вблизи, то есть на выставке, вся эта история выглядит еще интереснее. Потому что картины младшего из братьев оказываются весьма качественным продолжением «Бубнового вала», но только — на пол-экспозиции. Дальше — нарочитый румянец в женских портретах, общее огрубление стиля. Ранняя замечательная живопись оказалась не ко времени созданной, да так и застряла в пыльных углах мастерской на десятилетия. Линейная в своей основе живопись Амшея Нюренберга, с головой выдающая графическую выучку и склонность автора, оказалась более востребованной. Во-первых, из-за тематической «правильности»: «Буржуазная сволочь», «Соцдоговор», «Уголок ры-

бацкого колхоза» были более к месту и ко времени, чем живописные мостики и битая птица младшего брата. Графичная, жесткая манера, несущая на себе шершавый, как ему и положено, отпечаток плакатного языка, приходилась тогда ко двору больше, нежели богатая нюансами живописность.

Зато в графических техниках Амшей Нюренберг явно находился в своей стихии. И ранние работы, и замечательные акварели, созданные во время эвакуации, — все сделано с неброским, но основательным мастерством, грубее и жестче — там, где подразумевался социальный пафос, тоньше и лиричнее — там, где изображенное касалось личных переживаний. В целом — типичнейшая история из богатого на такие сюжеты ушедшего столетия: в художественном плане интересная, но грустная.

Шершавым языком живописи (Амшей Нюренберг. «Буржуазная сволочь». 1929—1930. Государственная Третьяковская галерея)